

УДК 321.17

**ВЛАСТНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В УСЛОВИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ***канд. филос. наук, доц. С.Б. ЛУГВИН**(Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого)*

Рассматриваются некоторые особенности европейского традиционного общества: господство сакрализованной традиции, преобладание натурального хозяйства, патерналистские отношения, наличие локальных взаимосвязей, сеньориально-вассальные отношения, харизматизация королевской власти. Подобные особенности традиционного общества во многом предопределили такие черты его властно-административной организации как децентрализация власти, соединение власти с земельной собственностью, преобладание военной службы над гражданской, широкое использование клириков в сфере управления, заимствование административных образцов римско-католической церкви и Византийской империи и др. В дальнейшем автор приходит к выводу, что европейское чиновничество, первоначально являющееся «патримониальной бюрократией», начинает зарождаться в период разложения европейского средневекового общества. Немалое влияние на ее формирование оказали такие процессы, как появление рыночной экономики, формирование наций-государств, отказ от принципа вассалитета, утверждение служебной иерархии, рецепция римского права и появление юридически образованных чиновников.

Ключевые слова: *европейское традиционное общество, властно-административная организация Средневековья, патримониальная бюрократия.*

Введение. Объектом настоящего исследования являются процессы формирования и утверждения европейского чиновничества в контексте эволюции европейского традиционного общества. Особенности европейского традиционализма в прошлом исследовались как зарубежными (Ж. ле Гофф, Т. Парсонс, М. Вебер, А. Дж. Берман, Дж. М. Тревел्यान и др.), так и отечественными (А.Я. Гуревич, Г.Г. Литаврин, П.Н. Ардашев, Н.И. Кареев и др.) историками. Однако в большинстве своем особенности европейского традиционализма рассматривались безотносительно к процессам становления и утверждения бюрократических структур, обеспечивающих полномочия правителей.

Целью данной работы является выяснение институционального генезиса европейского чиновничества в контексте анализа политической и социальной среды европейского традиционного общества.

Актуальность данного исследования во многом определяется поиском наиболее оптимальных форм организации государственного управления, которые активно ведутся во многих странах мира. При этом каждая из них стремится не только приспособить свой административный аппарат к реальностям современности, но и использовать прежние традиции управления.

При написании статьи были использованы методы социологического и институционального анализа, системный, функциональный и исторический подходы.

Основная часть. С разрушением античной цивилизации в Европе утвердилось традиционное общество с его консервативной устойчивостью и циклическим характером развития. Сакрализованная традиция пронизывала и определяла жизнедеятельность всего общества. Считалось, что существующий порядок установлен богом, а потому неизменен. «Средневековый человек, – отмечал Ж. Ле Гофф, – интересовался не тем, что движется, а тем, что неподвижно. Он искал покоя – *quies*. Напротив, всё то, что беспокойно, “искательно”, казалось ему суетным... и немного дьявольским» [1, с. 190]. Подобный подход утверждал архаизм и рутину во всех областях общественной жизни. Любое нововведение считалось чудовищным грехом, ставившим под сомнение издавна установленный порядок. Всё следовало делать так, как это делалось в прошлом.

Окружающий человека мир считался относительно простым и неизменным. В своих основных проявлениях он казался вполне доступным охвату обыденным сознанием и проверке жизненным опытом. А то, что в нем было непонятно, связывалось с деятельностью неземных сил. Считалось, что имеющихся знаний вполне достаточно, чтобы поддерживать установленный свыше порядок и организовывать повседневную деятельность, еще достаточно примитивную и рутинную.

Труд людей в традиционном обществе не имел абстрактного характера: он состоял не в производстве каких угодно товаров, находящихся спрос на рынке, а был нацелен на конкретный спрос со стороны конкретных людей. Подавляющее большинство населения было занято в добывающих отраслях, прежде всего в сельском хозяйстве, что позволяет именовать доиндустриальное общество аграрным обществом. Немногочисленный ассортимент промышленных товаров изготавливался либо на сельскохозяйственных предприятиях, либо в кустарно-ремесленных мастерских. Производство носило универсальный характер, при котором одна хозяйственная ячейка производила весь комплекс необходимых для жизни людей материальных благ. Специализация труда была крайне неразвита, безраздельно господствовало натуральное хозяйство, городское население

составляло лишь незначительную часть сельского. Товарные отношения находились в зачаточном состоянии и были тесно связаны с обеспечением потребностей немногочисленного слоя правящей элиты. Мотивация человеческого труда определялась стремлением работника обеспечить своё физическое выживание, а также выживание тех лиц, которые были не способны позаботиться о себе сами.

Базовой ячейкой общества являлась большая патриархальная семья, в рамках которой ее глава единолично руководил всей хозяйственной деятельностью, распоряжался семейным имуществом и, в случае необходимости, наказывал или поощрял своих домочадцев: жену, детей, родственников, слуг, рабов и др. Патерналистские отношения, генетически выросшие из семейных, пронизывали всю общественную иерархию и определяли особенности социальной организации на всех ее уровнях. «Поскольку индивид, по существу, еще не выделился из органической наследственной группы, круга родства, большой семьи, патримонии, – отмечает А.Я. Гуревич, – постольку происхождение детерминировало весь его образ жизни. Понятия “родовитость”, “благородство”, “чувство рода” было неотъемлемой и существенной стороной его самосознания» [2, с. 331].

Общество, выстроенное на основе личных и корпоративных взаимосвязей, неизменно дополнялось отношениями силы, которые перерабатывались в различные формы социального порядка. Однако такой порядок всегда предполагал неравное право, «право сильного», при котором отсутствовали единые для всех правила и нормы. В подобных условиях в административно-политической структуре общества преобладали достаточно неопределенные иерархические отношения, базирующиеся на неравенстве взаимных обязательств, вассальном подчинении, покровительстве и служении. Каждому человеку раз и навсегда были предписаны определенная социальная позиция и роль. «Личность, – по словам Э. Фромма, – отождествлялась с её ролью в обществе: это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но не индивид, который по своему выбору занимается тем или иным делом» [3, с. 45]. Поведение человека всецело зависело от его принадлежности к определенной социальной ячейке и жестко регламентировалось традициями, которые он не смел преступать.

Как полагал Т. Парсонс, самой насущной проблемой в период Средневековья было обеспечение простой физической безопасности, что было связано с общим беспорядком, порождённым варварскими нашествиями и непрерывной феодальной междоусобицей. В подобных условиях военная функция получила преимущественное развитие, а военные средства противостояния насилию стали основой всеобщей безопасности, что в дальнейшем привело к значительному возвышению военного сословия [4, с. 55]. А потому не случайно, что в средневековой Европе служба монарху рассматривалась почти исключительно как военная служба, которая закреплялась за привилегированной знатью – аристократией и дворянством. На протяжении столетий они существовали как чисто военные сословия. Гражданская же служба по своей значимости и престижу существенно уступала военной службе и рассматривалась лишь как ее дополнение и продолжение.

Источником власти в средневековом обществе была личная харизма короля-вождя, которая основывалась на его воинской доблести и победах. Война была единственно нормальным способом поддержания устойчивости королевской власти и обеспечения лояльности ее войска. К мирным условиям она была приспособлена плохо: обеспечить действенное управление и стабильный порядок на контролируемой территории королевская власть была не в состоянии. Потому в период Средневековья территории, подвластные монархам, обычно управлялись не послушной им бюрократией, а их вассалами, которые в качестве вознаграждения за свою службу получали землю на правах бенефиция, то есть пожизненного условного держания. Вассалы, ставшие в дальнейшем феодалами, сами определяли количество взимаемых с населения поборов, направляя определённую их часть (обычно фиксированную сумму) своему господину. Их административные функции были неотделимы от военных, финансовых, судебных и полицейских обязанностей. В качестве помощников использовались родственники, близкие друзья, слуги и иные зависимые люди. Все издержки по управлению они оплачивали из собственных средств. Обладая широкой автономией в сфере управления, феодалы были почти независимы от монарха. По словам М. Вебера, «положение должностного лица в феодальную эпоху было весьма схоже с положением рыцаря. Он также являлся вассалом, облеченным высокой административной и политической властью» [5, с. 48].

С углублением феодальной раздробленности держание земли утратило условный характер, в результате чего бывшие должностные лица короля стали собственниками занимаемых ими должностей. В подобных условиях большая часть королевских должностей утратила своё первоначальное назначение и превратилась в почетные титулы их носителей: герцог, граф, барон и др. Тенденция апроприации должностей стала одной из важных причин привлечения на королевскую службу священнослужителей (клириков), которые, будучи духовными лицами, нередко занимали важные должности в сфере управления. По мнению А. Тойнби, широко употребляемый в наше время термин «клерк» этимологически происходит от слова «клирик», обозначающее лицо, целиком посвятившее себя церковной службе [6, с. 530]. Использование клириков в управленческой деятельности, как полагал М. Вебер, во многом было связано с тем, что «клирик, в особенности клирик, соблюдающий celibat, находился вне суеты нормальных политических и экономических интересов и не испытывал искушения домогаться для своих потомков собственной политической власти в противовес своему господину, как это было свойственно вассалу. Он был “отделён” от средств предприятия государева управления своими

сословными качествами» [7, с. 662–663]. Другая важная причина широкого использования клириков в управлении была связана с тотальной неграмотностью населения, в том числе феодалов. В отличие от большинства феодалов, клирики были не только хорошо образованы, но и знали латинский язык, на котором в то время излагались правовые нормы и велось делопроизводство. Отсюда не случайно, что, например, во Франции начиная со второй половины XIII в. именно клирики стали возглавлять королевские канцелярии. Аналогичная ситуация сложилась и в Англии, где клирики владели землёй на тех же условиях, что и светские феодалы, а потому были обязаны нести военную службу и платить королю налоги. В подобных условиях архиепископы, епископы и иные носители духовных званий охотно шли на королевскую службу. Как отмечал Д. Тревельян, «вследствие тесной связи, существовавшей между епископством и королевским правительственным чиновничеством, варварская страна была богата одарёнными и образованными чиновниками. Благодаря своему епископскому авторитету они имели такое влияние, что могли, действуя в качестве слуг короля, заставить невежественных и грубых баронов подчиниться им» [8, с. 555]. В результате в Англии уже в XII в. появился весьма эффективный по тем временам чиновничий аппарат, что сопровождалось неконтролируемым приростом королевской власти. В дальнейшем это вызвало недовольство феодальной знати, которая попыталась затормозить процесс усиления королевской власти. В 1215 г. король Иоанн Безземельный был вынужден подписать «Великую хартию вольностей», положившую начало ограничению властных амбиций английских монархов.

В средневековой Европе наиболее совершенной административной организацией обладала римско-католическая церковь, которая противопоставила феодальному партикуляризму свой универсализм и космополитизм. Будучи единой и централизованной силой, она выгодно отличалась от расплывчатых и децентрализованных управленческих структур, создаваемых светскими правителями. По мнению Г. Бермана, после папы Григория VII церковь обрела большинство характерных черт государства в его современном понимании. Она объявила себя независимой публичной властью, стала издавать собственные законы и проводить их в жизнь через собственную управленческую вертикаль, опиралась на свои судебные учреждения с рациональной системой юриспруденции, а также на своих граждан – приверженцев христианской веры, которых она облагала налогами в виде десятины. Время от времени церковь собирала даже собственные армии [9, с. 118]. Наиболее сильной стороной церковной организации было наличие разветвлённой системы административной иерархии, охватывающей все западноевропейские страны, а также использование в сфере управления и судопроизводства собственных канонических норм, разработанных на основе римского права. Церковь имела также своих юридических экспертов, нотариусов и законовевов, которые готовились в церковных школах и высоко ценились во всех европейских странах. Административная машина церкви была отлажена безукоризненно, а потому не случайно, что именно по её образу и подобию создавались королевские канцелярии в странах средневековой Европы.

На фоне политической и административной разобщённости Европы выделялось государство, где издавна существовала иерархически организованная бюрократия. Речь идет о прямой наследнице Римской империи – Византии. «С самого начала все чиновники империи были не частными слугами сеньоров..., а представителями публичной власти – “слугами государства” (“василевса”): их отзыв, смещение и назначение были актами государственной власти. <...> Основным юридическим правилом, заложенным в фундамент византийской системы организации государственного аппарата, служил принцип всеобщей сменяемости должностных лиц. Ни занимаемые должности, с высшей до низшей..., ни почетные титулы не являлись наследственными. Степень соответствия лица занимаемой им должности определялась личными достоинствами, верностью василевсу и Романии и неукоснительным исполнением своих обязанностей в соответствии с предписаниями закона. То есть функционирование аппарата предполагало постоянный приток в состав чиновничества свежих сил, постоянное освобождение его от несправившихся или провинившихся слугителей государства» [10, с. 178]. В дальнейшем административный опыт Византии стал примером для многих европейских монархов, стремящихся наладить эффективное управление на подконтрольных им территориях.

Необходимым условием утверждения рыночных отношений стал переход от вассально-сеньориальной структуры властно-управленческих отношений к территориальной. Во многом это было связано с возрастанием силы и влияния королевской власти, которая в дальнейшем стала символом новых европейских наций. В подобных условиях феодальная знать лишилась всякого политического влияния и институционализировалась в качестве привилегированного придворного сословия. Ликвидация полицентризма властей сопровождалась образованием наций-государств во главе с наследственным правителем, что, в конечном счете, привело к появлению постоянного чиновничества, способного проводить властную волю монарха в масштабах всего государства.

Европейское чиновничество возникло не на основе вассально-сеньориальной иерархии, а сформировалось из управляющих королевского домена. В период преобладания феодальных отношений король, как и любой другой крупный земельный собственник, для управления своим дворцовым хозяйством и многочисленными имениями создавал собственный штат управляющих, которые одновременно были его домашними слугами. Нередко в услужение королю шли его вассалы, принимающие на себя обязанность нести пожизненную королевскую службу. Будучи назначаемыми и сменяемыми королем, они были от него практически полностью

зависимы. В дальнейшем, по мере того, как «первый среди равных» король-сеньор утверждался как полновластный монарх, его личные управляющие превращались в полноправных королевских чиновников. Однако при этом продолжали сохранять личную зависимость от монарха и в большинстве случаев совмещали государственные полномочия с придворными обязанностями.

В период феодальной раздробленности монарх в силу нехватки средств не мог позволить себе иметь многочисленное чиновничество. Как один из сеньоров он был вынужден ограничиваться лишь теми податями, которые взимались с королевского домена. Однако с появлением наций-государств и введением обязательных налогов появилась возможность содержать не только наемную армию и богатый королевский двор, но и нанимать большое количество чиновников, с помощью которых родовая знать была оттеснена от всех наиболее значимых рычагов государственного управления. С появлением постоянного чиновничества, управление, основанное на принципах вассалитета, начало быстро замещаться управлением, основанным на принципах личной зависимости и простейших формах служебной субординации.

Первоначально назначение чиновников происходило от случая к случаю в связи с решением тех или иных вопросов и полностью полагалось на личное усмотрение монарха. Их полномочия рассматривались как привилегии, которые давались или отбирались по воле их господина. Зачастую они представляли собой результат личного соперничества и борьбы за сферы влияния. Четко определенной сферы компетенции чиновников не существовало, как не существовало и разделения их труда. Каждый из них мог выполнять самые разные функции: административные, финансовые, полицейские, судебные и др. За одинаковыми официальными титулами и должностями могли скрываться разные обязанности. Таких чиновников М. Вебер называл «патримониальной бюрократией». Патримониальная бюрократия не обладала профессиональной подготовкой, что компенсировалось ее личной преданностью монарху, жизненным опытом и божественным провидением. Исполнение служебных обязанностей носило субъективный характер, преобладала не бюрократическая «беспристрастность», а личная воля должностного лица, его личное отношение к данному просителю и данному делу. Неограниченное личное усмотрение чиновников нередко оборачивалось откровенным произволом.

Большое значение для утверждения европейской бюрократии имела рецепция римского права, которое в период Средневековья было предано забвению. В период феодальной раздробленности судопроизводство велось не на основе единых унифицированных норм, а на основе норм обычного права, укоренившихся обычаев и издавна сложившихся прецедентов, различных для каждой местности. Однако уже с XII в. в обществе стал постепенно пробуждаться интерес к римскому праву, которое отвечало потребностям развивающегося товарного хозяйства и благоприятствовало капиталистическому развитию. Данный процесс активно поддерживался европейскими монархами, для которых наиболее привлекательными были те его положения, которые провозглашали абсолютность и неограниченность королевской власти.

Рецепция римского права, начавшаяся в Северной Италии, – в экономически развитых ломбардийских городах-республиках – очень скоро распространилась и на другие европейские государства. Одним из первых его признали императоры Священной Римской империи, которые считали себя преемниками древнеримских императоров. Но наиболее благоприятную почву идеи римского права обрели во Франции, а также в тех романских государствах, где римская правовая традиция не была полностью забыта. В Европе наиболее активными сторонниками римского права стали легисты, которые изучали в университетах и, прежде всего, в Болонском университете, его основные идеи. Будучи сторонниками централизованной королевской власти, они стремились ограничить полномочия сеньориальных и церковных судов, а также компетенцию органов городского самоуправления. В римском праве они усматривали идеальное выражение вечных и незыблемых истин, обусловленных неизменной природой человека. Просветительская деятельность легистов во многом способствовала утверждению в сфере управления начал безличности и формальной рациональности. По мнению М. Вебера, «главным следствием рецепции римского права было то, что оно приучило к формально-юридическому мышлению» [11, с. 214]. Рецепция римского права, в конечном счете, привела к появлению значительного числа юридически образованных чиновников, которые отныне должны были действовать беспристрастно, соблюдать законы, а также блюсти интересы короля, власть которого признавалась абсолютной и стоящей над всеми законами. В подобных условиях личные связи и происхождение, являющиеся ранее единственным основанием для занятия должностей, начали постепенно уступать свое место знаниям и компетенции чиновников.

Заключение. Таким образом, в период разложения средневекового общества с его сакрализованными традициями, патерналистскими и локальными взаимосвязями, возник целый ряд предпосылок для утверждения европейской бюрократии. Речь идет о зарождении рыночной экономики, образовании наций-государств, рецепции римского права и формировании структуры чиновничества, лично зависимо от воли монарха и назначаемого на условиях владения профессиональными компетенциями, игнорируя ранее актуальные родовитость и личные связи. Организованные по образцу церковников, чиновники стали решать широкий круг вопросов на подвластных королю территориях, транслируя королевскую власть во все сферы жизнедеятельности общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. – М. : Прогресс, 1992. – 376 с.
2. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А.Я. Гуревич. – М. : Искусство, 1990. – 396 с.
3. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1989. – 272 с.
4. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс ; пер. с нем. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
5. Вебер, М. Социализм. Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене (1918) / М. Вебер // Вестник Московского университета. Сер. 12. Социально-политические исследования. – 1991. – № 2. – С. 42-64.
6. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби // Сборник. – М., 1991.
7. Вебер, М. Политика как призвание и профессия / М. Вебер ; пер. с нем. // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 644–706.
8. Тревельян, Д. М. Социальная история Англии. Обзор шести столетий от Чосера до королевы Виктории / Д.М. Тревельян ; пер. с англ. – М.: Иностр. лит., 1959. – 608 с.
9. Берман, Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман ; пер. с англ. – М. : Изд-во МГУ; ИНФРА-М_НОРМА, 1998. – 624 с.
10. Литаврин, Г.Г. Византийское общество и государство в X – XI вв. / Г.Г. Литаврин. – М. : Наука, 1977. – 345 с.
11. Вебер, М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / М. Вебер. – Петроград : Наука и школа, 1923. – 240 с.

Поступила 11.05.2020

**AUTHORITIES AND ADMINISTRATIVE RELATIONS
IN THE CONDITIONS OF THE EUROPEAN MIDDLE AGES**

S. LUGVIN

The article discusses some of the features of European traditional society: the dominance of sacred tradition, the predominance of subsistence farming, paternalistic relations, the presence of local relationships, senior-vassal relations, the charisma of royal power. Such features of traditional society in many respects predetermined such features of its power-administrative organization as decentralization of power, the combination of power with land ownership, the predominance of military service over civil service, the widespread use of clergy in the sphere of administration, the borrowing of administrative samples of the Roman Catholic Church and the Byzantine Empire, etc. Subsequently, the author comes to the conclusion that European bureaucracy, which was originally a "patrimonial bureaucracy," begins to emerge during the period of decomposition of European medieval society. A considerable influence on its formation was exerted by such processes as the emergence of a market economy, the formation of nation-states, the rejection of the principle of vassality, the establishment of a hierarchy of service, the reception of Roman law and the appearance of legally educated officials.

Keywords: *European traditional society, power-administrative organization of the Middle Ages, patrimonial bureaucracy.*